

УДК 908 (571.6)

Пчела Инна Владимировна

Филиал Дальневосточного федерального университета
в г. Уссурийске (Школа педагогики)
г. Уссурийск, России
e-mail: Pchelka70@mail.ru

**СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В ПРИРОДНОМ И КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

В статье изучены истоки формирования образовательного пространства в сельских районах Дальнего Востока, в историческом аспекте рассмотрено создание архитектурно-планировочной структуры крестьянских сел рубежа XIX-XX вв. Автор проанализировал природные и культурные факторы, повлиявшие на формирование образовательного пространства, показал взаимосвязь между планировкой образовательного пространства и уровнем развития церковно-школьного дела. В результате проведенного исследования сделан вывод о зависимости условий обучения в народной школе от тех приоритетов, которыми руководствовались крестьянские общества, открывая сельскую школу

Ключевые слова: волость, село, планировочная структура, народная школа, образовательное пространство

Для цитирования: Пчела И.В. Сельская школа в природном и культурном ландшафте Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. // *Культурный ландшафт регионов* 2020. Том. 2. № 1. с. 63-76.

Inna V. Phela

Branch of the far Eastern Federal University in Ussuriisk (School of Pedagogy)
Ussuriisk, Russia
e-mail: Pchelka70@mail.ru

**RURAL SCHOOL IN THE NATURAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE FAR EAST
AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

In the article, sources of formation of educational space in the rural area of the Far East, in historical aspect is the creation of architectural-planning structure of the peasant villages of the turn of XIX-XX centuries. The Author analyzes the natural and cultural factors that influenced the formation of educational space, showed the relationship between the layout of educational space and the development of church and school affairs.

As a result of the conducted research, the conclusion is made about the dependence of the conditions of education in a folk school on the priorities that guided peasant societies when opening a rural school

Key words: parish, village, planning structure, public school, educational space

For citation: Phela I.V. Rural school in the natural and cultural landscape of the Far East at the turn of the XIX-XX centuries. Cultural landscape of the regions. 2020. Vol. 2. no. 1. PP. 63-76. (In Russ., abstr. in Engl.).

Изучение прошлого родного края важно не только для формирования исторической памяти, но и для понимания особенностей того пространства, в котором живет и работает человек. Пространство формируется долгое время, под влиянием разных факторов. Фокус внимания автора сконцентрировался на планировочной структуре населенных пунктов юга Дальнего Востока, особое место в которой отводилось школе. Несмотря на более чем вековую историю, в разных районах Приморского края от трети до половины школ размещаются в зданиях, построенных в конце XIX в. – начале XX в. (в настоящий момент функционируют здания в селах Новоникольское, Осиновка, Покровка, Раздольное и др.). Этим объясняется интерес к изучению данного аспекта региональной истории.

Если в европейской части страны планировочная структура населенных пунктов формировалась веками, то Тихоокеанское побережье России во второй половине XIX в. представляло собой «дикий» и «необжитый» край. В начале XX в. Д.Я. Бондарев посетил Приморье и описал его в воспоминаниях: «сплошная тайга, непролазные болота, сопки и сопки. Богатый и пустынный край» [1, с. 295]. Освоение Южно-Уссурийского края началось во второй половине XIX в. после подписания Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) мирных договоров, в результате которых юг Дальнего Востока вошел в состав России. Его заселение происходило несколькими этапами. На первом этапе (1860-1880-е гг.) в край прибыли казаки (они расселились вдоль границы с Китаем), старообрядцы из Сибири (основали деревни по берегам рек в таежной глубинке края) и корейцы (освоили южное побережье). На втором этапе (1880-1900 гг.) в край морем перебрались крестьяне из южных губерний страны; они основали «старожильческие» селения на берегах озера Ханка и в долине реки Суйфун (Раздольная). На третьем этапе (1900-1920-е гг.) в край по железной дороге приезжали «новоселы» из западных регионов страны, они освоили внутренние районы Иманского, Никольск-Уссурийского, Ольгинского уездов.

Переселенцы прибывали не на пустое место, а на участок, выбранный «ходоками» и отведенный землемерами Переселенческого Управления. Так, «Дорофей Софронович Мельник в 1882 г. прибыл во Владивосток «делегатом» от крестьян Черниговщины. Он выбрал две площадки в среднем течение реки Лефу (Илистая) для будущих сел Ивановка и Николаевка» [2, с. 8]. Землемеры Переселенческого Управления определили границы участка, составили план населенного пункта, отмежевав не только места под усадьбы, но и определив территории под общественные постройки: участок в центре – «базарная площадь», рядом – под общественные здания. По свидетельству А.А. Риттиха, «основывая деревню, переселенцы тотчас определяли в центре будущего селения площадь под храм, по соседству – землю под школу. По возможности сразу приступали к изысканию

средств на их строительство» [3, с. 73]. Чиновники отмечали, что «крестьяне с уважением относились к работе землемеров, завершавших отвод земельного участка для сельского общества, говорили, что люди будут знать свою землю и ее никто не захватит» [4, с. 218]. Такая практика предполагала, что церковь и сельская школа станут культурным центром, «маяком в темном царстве невежества», их деятельность окажет самое благотворное влияние на крестьянство, будет способствовать культурно-просветительской работе в деревне.

Можно предположить, что в проекте будущих населенных пунктов школе отводилось центральное место, оно определялось особенностями природного (географического) и культурно-исторического контекстов. В этой связи *целью* проведенного исследования являлось определение места, которое в природном и культурном ландшафте юга Дальнего Востока отводилось сельской школе, выяснение особенностей планировочной структуры сел на основе междисциплинарного подхода, который включает в себя природный и культурно-исторический аспекты.

Представляется интересным проанализировать: чем руководствовалось сельское общество, определяя место под школу; какие факторы оказали позитивное и негативное влияние на возведение здания школы и обустройство пришкольной территории; как проектировали образовательное пространство; соответствовало ли оно условиям учебного процесса.

В качестве временного отрезка для анализа был выбран период 1890-1910-е гг., когда формировалась сеть начальных учебных заведений края.

Объектом изучения стали крупные и многолюдные села, ставшие административными центрами волости. Они появились на карте Южно-Уссурийского края в 1860-1890-е гг., согласно переписи 1915 г. в трех уездах края насчитывалось 44 волости [5, с. 3-5]. Отличительная особенность этих сел состоит в том, что место их возникновения выбирали первопоселенцы и ходоки, которые плохо знали местные климатические условия. Выбирая место водворения, они руководствовались своим представлением об «удобном» или «красивом» месте, аргументируя свой выбор близостью реки, озера или леса.

История возникновения этих населенных пунктов хорошо изучена. Краеведы собрали большой фактический материал, восстановили событийный контекст [6, 7, 8, 9]. Специальных исторических исследований, посвященных формированию планировочной структуры населенных пунктов, крайне мало, а имеющиеся воссоздают только образ городов Владивостока, Никольска-Уссурийского и др. Можно выделить монографию Н.С. Зуевой и О.Б. Лынша [10], статьи Н.С. Зуевой [11], Ю.П. Лазаревой и А.Е. Гашенко [12], В.А. Обертас [13, 14] и др. Вместе с тем, в отечественной исторической науке вопросы о планировочной структуре сел и деревень остаются неразработанной темой. В этой связи природные и культурные ландшафты дальневосточных селений остался без внимания исследователей.

Материалом для исследования стали опубликованные документы из фондов Государственного архива Приморского края, периодическая печать (газеты «Владивосток», «Владивостокские епархиальные ведомости» и др.), воспоминания путешественников, посетивших край на рубеже XIX-XX вв.

К 1880 г. на карте Южно-Уссурийского края насчитывалось 32 селения, за следующие десять лет цифра увеличилась втрое, составив к 1900 г. – 118, а к 1909 г. – 132 населенных пункта [15, с. 435]. Динамика развития селений различалась из-за влияния географического (природного) фактора. В планах населенного пункта можно выделить несколько стержневых объектов, близость которого влияли на планировочную структуру и повседневную жизнь сельско-

го общества: река и озеро, горы и сопки, почтовый тракт и железная дорога. Проанализируем их подробнее.

Самые старые села края традиционно возникали по берегам рек. Так, «в 1886 г. 25 семей переселенцев из с. Мутин Кролевецкого уезда Черниговской губернии остановились в глубине большой и удобной равнины, с трех сторон окруженной лесистыми сопками одного из отрогов Сихотэ-Алиня, на берег реки, притока Лефу (Илистой)» [16, с. 2]. Первоначально они заняли оба берега реки, но «в 1888 г. на участок приехали землеустроители Переселенческого Управления. Они отвели участок на 160 усадебных наделов по левую сторону реки под село, а земельные угодья (сенокос, луга для выпаса скота, лес) – по правую сторону. Землеустроители составили план нового селения, подтвердив официально его название – Черниговка» [17, с. 97]. По требованию землемеров черниговцы перебрались на левый берег.

«Карта с. Черниговка (1892 г.)» сохранилась в историко-краеведческом музее Черниговского района. Она демонстрирует правильную планировку села, образованную шестью улицами, которые пересекаясь образуют одинаковые по площади (1-2 десятины на семью) участками. «Вдоль реки пролегла Первая улица. Дома черниговцы построили по обе стороны дороги. Вторая улица застраивалась домами только с северной стороны. На Третьей улице компактно расположились китайские мастерские, магазины и торговые лавки. Они стоят так тесно примыкая друг к другу, что можно было пройти весь квартал, не выходя из помещений на улицу» [18, с. 1]. На рубеже XIX-XX вв. Черниговка превратилась в «едва ли не самое большое село в крае. Здесь проживало несколько тысяч жителей, а улицы и дома напоминают город», - писал епископ Камчатский Евсевий, посетивший Черниговку летом 1898 г. [19, с. 115]. Село раскинулось по берегу реки на 4-5 верст в длину и на 1 версту в ширину. «Издали Черниговка кажется очень большим селом, но въехав, скоро выясняется, что постройки крайне разбросаны и далеко отстоят друг от друга – иные более, чем на 60-70 сажень. В пожарном отношении это очень хорошо» - писал корреспондент газеты «Владивосток» (1899 г.). Это описание подтверждает вышеупомянутая карта.

В центре с. Черниговка, на пересечении Третьей улицы и двух переулков находится большая площадь, где в выходные и праздничные дни был базар. Вокруг площади располагались шесть лавок, четыре кабака и магазины Кунста и Альберса, Чурина, Пономарева и местного купца Монастырного. Вблизи храма размещалась церковная сторожка и две школы (церковноприходская и министерская). Ничем кроме удобного местоположения, школы не обладали. Черниговская церковноприходская школа представляла собой «типичную крестьянскую хату», тесную и непригодную для школьных нужд. Описание министерского училища с. Черниговка (1901 г.) оставил А.П. Сильницкий: «внешний вид школы, к сожалению, не отвечает тому впечатлению, какое выносит посетитель Черниговки об этом селе, как о селе богатом. Школа помещается в ветхом здании 18 аршин длины и 9 аршин ширины; потолки низкие, окна маленькие, стены оклеены грязными, оборванными обоями. Классная мебель и прочая классная обстановка вполне гармонирует с внешним видом здания: все старо, поломано, порвано. Вообще, Черниговка, несмотря на достигнутое ею благосостояние, совершенно не проявляет заботливости об общественном благоустройстве. Все село имеет вид унылый и безжизненный» [20, с. 91].

Аналогичную планировочную структуру имели Успенка и Зеньковка. Современники описали их однотипно. С. Низяев писал: «В 1920 г. выехал я из Владивостока в Успенку. В то время это обычная крестьянская деревня со всеми тяго-

тами и нуждами, бедностью и поголовной неграмотностью. Деревни, подобно этой, все были одинаковы: церковь, маленький домишко школы, подслеповатые хаты, бездорожье, темнота и нужда» [21, с. 2].

Географическая среда повлияла на планировочную структуру таких сел как Никольское (с 1900 г. – город Никольск-Уссурийский) и Спасское (с 1922 г. – город Спасск-Дальний): улицы идут вдоль берега реки, на пересечении образуют базарную площадь, к ней примыкают магазины и торговые лавки, церковь и две школы; образцовые кварталы одинаковой площади плотно застроены домами местных жителей и надворными постройками. Этот вывод подтверждают фрагменты воспоминаний современников. Корреспондент газеты «Владивосток», писавший свои очерки по псевдонимом «Дятел» посетил Спасское в 1902 г. По его словам, «село расположено по левой стороне в полверсты от реки Сантохеза (Спасовка). Дома построены по увалу, а главная и единственная сносная улица растянулась на 4 версты. Постройки на 2/3 крыты соломой, только около церкви и базара (лавок 20) все дома крыты цинком. В Спасском имеется маленькая деревянная церковь, две школы и министерская школа, что помещается в здании, какой-то причудливой архитектуры – с вышкой чуть ли не вроде Пулковской обсерватории, один общественный кабак, два винных склада и мельницы» [22, с. 6].

Образ с. Никольское в 1898 г. запечатлел в своем очерке К. Кардашевич: «три параллельных улицы, около двух верст длиною, пересекаются несколькими поперечными, вследствие чего образуются кварталы правильной формы, застроенные деревянными домами почти одинакового типа» [23, с. 1266-1267]. В те же годы Никольское посетила писательница И. Бишоп. По ее словам, «село расположено посреди плодородной холмистой степи на берегу реки Суйфун. Здесь шесть улиц невообразимой ширины, длиною по 1,5 версты каждая. В Никольске нигде не увидишь бедности, оно стремительно развивается. Есть просторная рыночная площадь и базар, две церкви... Все напоминает район Солт-Лейк-Сити, особенно деревянные, оштукатуренные и побеленные известкой дома с крышами из рифлёного железа» [24, с. 124-125]. Идиллическая картина: большое благоустроенное село, с четкой планировкой одинаковых по размеру кварталов, несколько церквей возвышаются над однотипными деревянными домами. Близь храмов выстроены начальные школы. Так выглядят на редких дореволюционных фотографиях села Никольское, Спасское.

Но идиллическую картину портила плотная застройка улиц и переулков. Она мешала строительству больших общественных зданий: школ, лечебниц. Об остроте дебатов вокруг определения места под будущую застройку, можно судить по следующему тексту: «в 1910 г. директор и врач училища предлагали использовать участок в 142 квартале на окраине, рядом с кладбищем, товарной станцией, мельницей, вблизи болотистой равнины. После долгих дебатов определили место под строительство на Сенной площади, рядом с Народным Домом. Но директор категорически возражал: рядом с учебным заведением не должно быть барахольных рядов, шумной и пыльной торговой площади. Расположение училища рядом с кладбищем, где проходит постоянно погребальный процесс, его не смущало» [25, с. 91]. Массовая застройка села опережала планы церковно-школьного строительства, поэтому сельскому обществу приходилось проявлять волю, настойчивость, чтобы выделить или выкупить место под строительство.

В более благоприятной ситуации оказались те общества, которые предусмотрительно планировали места под общественную застройку. Это справедливо в отношении с. Осиновка (1879 г.). В результате приселений 1885-1892 гг. Осиновка превратилась в крупное и многолюдное село. «Первые засельщики занима-

ли места самостоятельно, сколько заблагорассудится» [4, с. 242], но, главным образом, по окраинам; просторный участок в центре села долгое время оставался свободным. В 1891 г. на небольшом возвышении построили храм, «под горою, на которой построен храм, находился источник, который никогда не иссякает. Поэтому храм осветили в честь Живоносного источника Пресвятой Богородицы» [26, с. 411]. В следующие десять лет на свободном участке построили здание волостного правления, почтовую станцию, женскую церковноприходскую школу и избу-читальню (1903-1906 гг.). По общему мнению современников, «двухэтажное деревянное здание на высоком каменном фундаменте, просторное и светлое помещение; посредине – мезонин, под ним – высокое крыльцо, направо от крыльца – большой светлый класс в 8 окон с аркой посредине, налево – просторный зал в 9 саженных окон и с аркой посредине» [27, с. 446] было одним из самых красивых в крае. Получив кредит, сельское общество в 1909 г. построило здание двухклассного министерского училища из красного кирпича. Село приобрело вид благоустроенного и комфортного для проживания.

К сожалению, этот пример стал скорее исключением из правил. В первые после водворения годы, на жизнь переселенцев влияло несколько негативных факторов, которые искажали планы, составленные чиновниками Переселенческого Управления. Во-первых, по таежным тропам регулярно совершали набеги китайские разбойники-хунхузы. Это вынуждало новоселов уходить с насиженных мест и селиться вблизи казачьих поселков или военных гарнизонов. К примеру, в 1868 г. была сожжена деревня Шкотово. В таких условиях вся энергия местных жителей сосредотачивалась на укреплении своего хозяйства, ресурсов для строительства общественных зданий не хватало. «Трудно рассчитывать на инициативу самих сельских обществ. Необходимо употребить для этого кое-какие репрессалии со стороны административных лиц, от которых почти непосредственно зависит процветание школ, расположенных в районах их управления» [28, с. 4].

В 1891 г. Шкотовское общество получило кредит на строительство школы, реализовать который необходимо было в короткий срок. Но, «что мужики понимают в школах? Им бы только подешевле. Государство наше при миллиардном бюджете на народные школы отпускает такие гроши, что учреждение школы составляет целое событие не только для волости, но и для целого уезда» [29, с. 10]. Поскольку к строительству школы шкотовцы заранее не готовились, то выделили свободный участок для строительства «на отшибе». «Здание было построено прямо в кустах, которые в продолжение последующих восьми лет так и не смогли расчистить. При школе нет усадьбы для огорода, не отведено полевой земли. Эти условия неблагоприятно отразились на ведении и правильной постановке школьного дела» [29, с. 8].

Сельское общество «халатно» относилось к своей школе, считая, «казна строила, пусть казна и заботиться, нам нет дела, мы прожили век не учившись, проживут и наши дети» [30, с. 6]. В 1899 г. Шкотово посетил корреспондент газеты «Владивосток». Он писал: «в настоящее время школа представляет из себя плачевный вид: здание ветхое, тесное. Оно напоминает скорее вид какого-либо больничного барака для заразных больных, который естественно каждый старается обойти как можно дальше, нежели того питомника, откуда простолюдин черпывает полезные сведения, мощь и силу, которые хотя сколько-нибудь обещивают ему успех в борьбе в здешнем новом для него крае» [29, с. 10]. Равнодушное отношение к сельской школе, недооценка ее роли в жизни крестьян, приводила к растрате ресурсов и недоверию к инициативам в области просвещения.

Другим негативным природным фактором стали катастрофические наводнения, которые регулярно разрушали селения по берегам рек Даубихе (Арсеньевка), Лефу (Илистая), Улахе (Уссури) и др. Это заставляло оставлять уже обустроенные селения и отстраиваться на новом месте. Поэтому на карте Южно-Уссурийского края появились селения Старая и Новая Сысоевка, Старая и Новая Гордеевка, Старая и Новая Варваровка и др. Первоначально на новое место отселялись отдельные крестьянские семьи, возникал хутор или выселок. Затем отселение принимало массовый характер. Сначала переносили дома и хозяйственные постройки, в последнюю очередь – общественные здания (храм, школу, лечебницу), вписывая их в новый ландшафт.

В этом случае от первоначальной планировки не оставалось следа, новая структура формировалась стихийно, под влиянием природного ландшафта. Так современники описывали с. Михайловку: «пригородная деревня начала основательно заселяться с 1885 г. Место выбрали сами, усадьбы разместили без плана. Такая неравномерность объяснялась естественными причинами» [31, с. 5]. В результате четкая планировка нарушалась.

О том, что такая ситуация вредит школьному делу, можно судить на примере с. Абрамовка (1993 г.). Первоначально этот переселенческий участок представлял собой низменность, который из-за дождей превращалось в болото или в результате летних тайфунов – в «топь». Поэтому жители перенесли село немного в сторону. «С дороги Абрамовка представляется жалким хутором с 25-30 хатами. Речка проходит примерно в 1 версте от деревни. Главная улица упирается в почтовый тракт. Старый тракт заброшен, устроен новый и довольно хороший. Высокая насыпь по обе стороны тракта образует глубокие канавы, насыпь укреплена плетнем, так что разлитие реки повредить селению не может» [32, с. 6]. Поскольку абрамовцы расселились по участку без плана, а «по личному усмотрению», это затрудняло выделение участка под постройку общественных зданий. Проблема не решалась годами. «На сельский сход приезжал крестьянский начальник Ханкайского участка В.В. Солярский, обещал исходатайствовать денежную субсидию, если крестьянское общество составит приговор и выделит участок для строительства храма и школы, что крестьяне выполнили, желая угодить своему начальнику» [33, с. 177]. Но нашелся лишь один подходящий участок. Рачительные жители решили сэкономить деньги и землю, т.е. построить церковь-школу, т.е. «новый тип помещения, который в будничное время будет отвечать потребностям школы, а в случае надобности служить церковью. Рекомендовали построить его на возвышенном месте и обсадить деревьями, могущими предохранить здание от пожаров» [34, с. 3]. Так и поступили.

Третий фактор, который негативно повлиял на формирование образа приморских сел и деревень, неоднородный состав местного населения. Водворение переселенцев происходило не одномоментно, партии состояли из выходцев разных губерний России. К примеру, в селах Покровка и Ивановка местные жители разместились по принципу землячества. Свои улицы и переулки они называли «Могилевщина», «Полтавщина», «Харьковщина» и т.д. Каждое землячество обладало своим укладом, традициями строительства домов и надворных построек. Такая пестрота не могла не отразиться на образе села и на взаимоотношениях местных жителей. «Во многих селениях далеко не сразу достигается общественное согласие и налаживается общественная работа, т.к. жители, собранные в одно селение из разных малороссийских губерний и губерний Западного края. Все они принесли с родины свои порядки и привычки. Никто не хочет поступаться своими интересами ради общих интересов. Каждый тянет в свою сторону и настаивает на

своем преобладании. Это неизбежно вело к раздорам» [35, с. 181-182]. Споры тянулись годами, поэтому «пустыри» застраивались и, при необходимости приходилось искать новое место или приспособлять «арендованное» помещение под нужды школы. К примеру, «Село Хороль раскинулось на широком пространстве близь озера Ханка. Оно имеет не много домов, построенных в малороссийском вкусе. В домах чисто и уютно. Живут более или менее мирно, занимаются земледелием. Одно только дурно, что до сих пор не завели себе школы несмотря на то, что в селении имеется церковь. Выстроено нечто в виде дома для батюшки, где тот не пожелал жить и этот дом пустует. Недурно было бы устроить там школу» [36, с. 6].

Отсутствие общественного согласия приводило к слабости органов местного самоуправления и к утрате авторитета волостных властей. В результате распространялось «захватное право». Так, жители с. Николаевка рассказывали: «У нас есть случаи захвата земли. Размер захвата определялся потребностью хозяйства. Общество признает право захватчика на всю захваченную землю» [4, с. 221-222].

Присваивали не только земельные наделы на полях, но и усадьбы на территории села. Так, с. Григорьевка (1883 г.) возникло на берегу реки Чихеза (Абрамовка), поселенцы расселились на участке «по своему усмотрению». Дворы располагались на большом расстоянии друг от друга. «Разные размеры усадеб объяснялись тем, что первые усадьбы отводило общество, затем распространилось захватное право. Оборотистые люди пригородили излишки земли под дворы и огороды. Это исказило план села» [37, с. 6], что подтверждали путешественники, посетившие село на рубеже XIX-XX вв.: «Когда мы поднялись на гору, взорам представала Григорьевка, одно из старых сел края. Я ожидал увидеть что-то порядочное, но разочаровался. Опять та же разбросанность. Поселились по оврагам и косограм, несмотря на величину, оно кажется небольшим, потому что с одной горы видишь одну часть, с другой – другую, а полного представления нет. Главная улица изрыта оврагами и выбоинами, хотя по этой улице пролегает почтовый тракт» [37, с. 6]. Отсутствие контроля со стороны органов местного самоуправления привело к тому, что крестьяне вовсе не признавали существование строительного устава и строились так, как им нравилось. В результате получался «хаос домов», построенных без всяких правил. При отсутствии четкой планировки, из-за хаотичной застройки чрезвычайно сложно было найти место для постройки общественных зданий. Выход виделся в том, чтобы арендовать у местных жителей «свободные» дома, приспособить их под школу. Стоит ли говорить, что арендованное помещение плохо соответствовало требованиям учебного дела и требовало большого ремонта. В результате, скупые платили дважды.

Подведем итоги, погружение в географический (природный) аспект изучения планировочной структуры волостных сел юга Дальнего Востока на рубеже XIX-XX вв. показало, что можно условно выделить три группы населенных пунктов: 1) с правильной планировкой, соответствующей планам и схемам, составленным чиновниками Переселенческого Управления; 2) с частичным нарушением планировки, искажением первоначального проекта; 3) стихийно возникшая планировка, обоснованная природным ландшафтом.

В селах с четкой планировочной структурой место для общественных зданий определялось заранее, границы участка строго соблюдались. Поэтому ничего не препятствовало строительству здания сельской школы. Более того, такие села своим внешним видом уподоблялись городам, воспринимались современниками как «культурные» и «благоустроенные». В селах, где по разным причинам планировочная структура нарушалась, рано или поздно возникали серьезные препят-

ствия для церковно-школьного строительства, на рубеже XIX-XX вв. так и не оформилось образовательное пространство.

Проведенное исследование обнаружило прямую взаимосвязь между приоритетами, которым руководствовалось сельское общество в строительстве общественных зданий и уровнем развития школьного дела. В 1880-1900-е гг. крестьяне весьма индифферентно относились к предложениям выделить средства на строительство своей школы. Общества не проявляли инициативу и соглашались только под давлением уездных и краевых властей. При строительстве школьных зданий руководствовались не требованиями образовательного процесса, а стоимостью работ. Такая образовательная среда не играла ключевой роли в жизни сельского общества, мало способствовала народному просвещению, не стимулировала инициативы и ответственности местного населения в приобщении крестьянских детей к знаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев, Д. Я. Далекая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск III. / Ред. О. Б. Лынша, И. В. Пчела. Уссурийск, 2013. С. 292–311
2. Бутковская, Н. В. Вот такая история // Вперед. 2008. 2 сентября.
3. Риттих, А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае: Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А. А. Риттиха. Санкт-Петербург: типография Министерства внутренних дел, 1899. 154 с.
4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств в Приморской области: старожилы-стодесятники Приморской области. [Текст] / Сост. А. А. Меньшиков. Саратов: тип. Губернского правления, 1912. 575 с.
5. Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые: перепись населения 1-20 июня 1915 г. Владивосток: тип. Приморского областного правления, 1915. 136 с.
6. Бачурин, А. М. Паспорта исторического свидетельства сел Спасского района. [Текст]. / А. М. Бачурин. Спасск-Дальний, 1998. 83 с.
7. Пак, В. П. Земля вольной надежды: очерки дореволюционной истории Надеждинского района. [Текст] / В. Пак. Владивосток: Валентин, 2012. 216 с.
8. Смирнов, А. Г. У самой границы: история Пограничного района. [Монография] / А. Г. Смирнов. Владивосток: Русский остров, 2005. 335 с.
9. Шелудько, В. О. История Черниговского района (1886-1917 гг.): учебное пособие для учащихся и учителей средней школы / В. О. Шелудько. Владивосток, 1998. 98 с.
10. Зуева, Н. С. Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно - планировочной структуры, топонимии и образа города: [Монография] / Н. С. Зуева, О. Б. Лынша. Уссурийск, 2012. 92 с.
11. Зуева, Н.С. Формирование архитектурно-планировочной структуры Никольск-Уссурийского в конце XIX - начале XX в. // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан. Омск, 2009. С. 165-167

12. Лазарева, Ю. П. Развитие планировочной структуры Владивостока в аспекте транспортного планирования / Ю. П. Лазарева, А. Е. Гашенко // Баландинские чтения, 2018. - Т. XIII. - С. 563-568
13. Обретас, В. А. К истории формирования планировочной структуры города Уссурийска / В. А. Обертас // Краеведческий вестник. Выпуск III. Владивосток, 1994. С.59-62
14. Обертас, В. А. Основы градостроительной архитектуры Владивостока. [Текст] / В. А. Обертас. Владивосток: Рея, 2011. 115 с.
15. Отчет епархиального наблюдателя за 1906-1907 год // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября.
16. Переселенцы основали села и поселки [Из истории заселения Черниговского района] // Новое время. 2011. 30 сентября.
17. Сирина, А. Ф. Основание селений Черниговской волости. Топонимика / А. Ф. Сирина, В. И. Коновалова // Этносервис в моде, дизайне, истории. Владивосток, 2007. С. 96-100
18. Казак, З. Благодатный край родной: история заселения с. Черниговка // Новое время. 2007. 30 мая.
19. Описание поездки Преосвященнейшего Евсевия, епископа Камчатского для обозрения епархии, совершенной с 8 июня по 22 августа 1898 г. // Камчатские епархиальные ведомости. 1899. 30 апреля.
20. Сильницкий, А. П. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. [Текст] / А. П. Сильницкий. Хабаровск: тип. Канцелярии приамурского ген-губернатора, 1901. 177 с.
21. Низяев, С. Культармейцы. Приморскому комсомолу – 50 лет // Красное знамя. 1970. 27 октября.
22. Дятел Спасское. // Владивосток. 1902. 4 августа.
23. Кардашевич, К. Село Никольское в Южно-Уссурийском крае (Краткий очерк условий жизни местного населения) // Военно-медицинский журнал. 1898. август. Ч. LXXXII. С. 1266-1267
24. Бишоп, И. Б. Корея и ее соседи. Путешествие в Россию // Российское корееведение. Альманах Международного центра корееведения при МГУ. Выпуск II. Москва, 2001. С.107-127
25. Лынша, О. Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882-1922: [Монография]. / О.Б. Лынша. Владивосток, 2018. 292 с.
26. Ваулин, Г. Г. Освящение Осиновского храма // Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 сентября.
27. Освящение Осиновской школы-читальни // Владивостокские епархиальные ведомости. 1906. 15 октября.
28. Пронов, М. Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае // Владивосток. 1890. 29 июля.
29. Шкотовская волость // Владивосток. 1899. 25 июля.
30. Петровка // Владивосток. 1902. 3 февраля.
31. Дятел. Михайловка. // Владивосток. 1902. 4 августа.
32. Абрамовка // Владивосток. 1902. 18 августа.
33. Деревня Абрамовка // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 15 марта.
34. Церкви-школы края // Владивосток. 1893. 18 июля.

35. Отчет епархиального наблюдателя церковноприходских школ и школ грамоты в Благовещенской епархии за 1900-1901 учебный год // Благовещенские епархиальные ведомости. 1902. 15 мая.
36. Хороль // Владивосток. 1902. 12 мая.
37. Григорьевка // Владивосток. 1902. 18 августа.

REFERENCES

1. Bondarev, D. Y. Dalekaya okraina. (Moi vospominaniya) [Distant outskirts. (My memoirs)], in: Lynsha O.B. (ed). Problemy istorii obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii. Materialy` nauchnoj konferencii = Problems of the history of education in the Russian far East: Materials of the scientific conference. Ussuriisk. 2013. P. 292–311. (In Russ).
2. Butkovskaya, N.V. Vot takaya istoriya [Here's the story]. Vpered. 2008. September 2. P. 8. (In Russ).
3. Rittix, A. A. Pereselencheskoe i krest`yanskoe delo v Yuzhno-Ussurijskom krae: Otchet po komandirovke chinovnika osoby`x poruchenij Pereselencheskogo upravleniya A. A. Rittixa. [Resettlement and peasant Affairs in the South Ussuri region: Report on the trip of the official of special assignments of the Resettlement Department A. A. Rittikh] Saint Petersburg: printing house of the Ministry of internal Affairs, 1899. 154 p. (In Russ).
4. Materialy` po obsledovaniyu krest`yanskix xozyajstv v Primorskoj oblasti: starozhilye-stodesyatniki Primorskoj oblasti [Materials on the survey of farms in the Primorsky region: old-timers-hundred-year-olds of the Primorsky region], in A. A. Menshikov (ed). Saratov: typ. Of the provincial government, 1912. 575 p. (In Russ).
5. Naselenny`e i zhilye mesta Primorskogo rajona. Krest`yane. Inorodcy. Zheltye: perepis` naseleniya 1-20 iyunya 1915 [Populated and residential areas of the Primorsky district. Peasants. Foreigners. Yellow: population census June 1-20, 1915] Vladivostok: typ. Primorsky regional Board, 1915. 136 p. (In Russ).
6. Bachurin, A. M. Pasporta istoricheskogo svidetel'stva sel Spasskogo rajona. [Passports of historical certificates of villages of Spassky district.] Spassk-Dalny, 1998. 83 p. (In Russ).
7. Pak, V. P. Zemlya vol`noj nadezhdy: ocherki dorevolucionnoj istorii Nadezhdinskogo rajona. [Land of free hope: essays on the pre-revolutionary history of the Nadezhdinsky district.] Vladivostok: Valentine, 2012. 216 p. (In Russ).
8. Smirnov, A. G. U samoj granicy: istoriya Pogranichnogo rajona. [Near the border: the history of the Border area]: [monograph]. Vladivostok: Russian island, 2005. 335 p. (In Russ).
9. Shelud'ko, V. O. Istoriya Chernigovskogo rajona (1886-1917): uchebnoe posobie dlya uchashhixsya i uchitelej srednej shkoly` [History of Chernihiv region (1886-1917): a textbook for students and teachers of secondary schools]. Vladivostok, 1998. 98 p. (In Russ).
10. Zueva, N. S. Dorevolucionnyj Ussurijsk: formirovanie arxitekturno - planirovochnoj struktury`, toponimii i obraza goroda [Pre-revolutionary Ussuriysk: formation of architectural and planning structure, toponymy and image of the city]: [monograph]. N. S. Zueva, O. B. Lynsha. Ussuriisk, 2012. 92 p. (In Russ).

11. Zueva, N.S. Formirovanie arxitekturno-planirovochnoj struktury` Nikol'sk-Ussurijskogo v konce XIX - nachale XX v. [Formation of the architectural and planning structure of Nikolsk-Ussuriysk in the late XIX - early XX century]. Kul'tura i intelligenciya Rossii: Innovacionny'e praktiki, obrazy` goroda. Yubilejny'e soby'tiya. Istoricheskaya pamyat` gorozhan = Culture and intellectuals of Russia: Innovative practices, images of the city. Anniversary event. The historical memory of the citizens. Omsk, 2009. P. 165-167. (In Russ).
12. Lazareva, Yu. P. Razvitie planirovochnoj struktury` Vladivostoka v aspekte transportnogo planirovaniya [Development of the planning structure of Vladivostok in the aspect of transport planning]. In: Yu. P. Lazareva, A. E. Gashenko (edy). Balandinskie chteniya = Balandinsky readings, 2018. Vol. XIII. P. 563-568. (In Russ).
13. Obretas, V. A. K istorii formirovaniya planirovochnoj struktury` goroda Ussurijska [On the history of the formation of the planning structure of the city of Ussuriysk]. Kraevedcheskij vestnik = Local history Bulletin. Issue III. Vladivostok, 1994. P. 59-62. (In Russ).
14. Obertas, V. A. Osnovy` gradostroitel'noj arxitektury` Vladivostoka. [Fundamentals of urban architecture in Vladivostok]. Vladivostok: Rhea, 2011. 115 p. (In Russ).
15. Otchet eparxial'nogo nablyudatelya za 1906-1907 god [Report of the diocesan observer for 1906-1907]. Vladivostokskie eparkhialnyye vedomosti. 1908. September 15. P. 435-437. (In Russ).
16. Pereselency osnovali sela i poselki: iz istorii zaseleniya Chernigovskogo rajona [Settlers founded villages and settlements: from the history of settlement of Chernihiv region]. New time. 2011. September 30. P. 2. (In Russ).
17. Sirina, A. F. Osnovanie selenij Chernigovskoj volosti. Toponimika [The Foundation of the villages of the Chernigov parish. Toponymy]: in A. F. Sirina, V. I. Konovalova. E`tnoservis v mode, dizajne, istorii = Ethnos is used in fashion, design, and history. Vladivostok, 2007. P. 96-100. (In Russ).
18. Kazak, Z. Blagodatny`j kraj rodnoj: istoriya zaseleniya s. Chernigovka [Fertile native land: the history of settlement of the village of Chernihiv]. New time. 2007. May 30. P. 1. (In Russ).
19. Opisanie poezdki Preosvyashhennejshego Evseviya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya eparxii, sovershennoj s 8 iyunya po 22 avgusta 1898 g. [Description of the trip of his Eminence Eusebius, Bishop of Kamchatka for viewing the diocese, made from June 8 to August 22, 1898.]. Kamchatka diocesan sheets. 1899. April 30. P.114-116. (In Russ).
20. Sil'niczkij, A. P. Kul'turnoe vliyanie Ussurijskoj zheleznoj dorogi na Yuzhno-Ussurijskij kraj. [Cultural influence of the Ussuri railway on the South Ussuri region]. Khabarovsk: type. The office of the gene of the Amur Governor, 1901. 177 p. (In Russ).
21. Nizyaev, S. Kul'tarmejcy. Primorskemu komsomolu – 50 let [Cultural soldiers. Primorsky Komsomol – 50 years old]. Red banner. 1970. October 27. P. 2. (In Russ).
22. Dyatel Spasskoe [Spaskoye]. Vladivostok. 1902. August 4. P. 6. (In Russ).
23. Kardashevich, K. Selo Nikol'skoe v Yuzhno-Ussurijskom krae (Kratkij ocherk uslovij zhizni mestnogo naseleniya) [The village of Nikolskoye in the South Ussuri region (a Brief sketch of the living conditions of the local population)]. Voennno-

- medicinskij zhurnal = Military medical journal. 1898. August. CH. LXXXXII. P. 1266-1267. (In Russ).
24. Bishop, I. B. Koreya i ee sosedi. Puteshestvie v Rossiyu [Korea and its neighbors. Travel to Russia]. Rossijskoe koreevedenie. Al'manax Mezhdunarodnogo centra koreevedeniya pri MGU = Russian Korean studies. Almanac of the international center of Korean studies at MSU. Issue II. Moscow, 2001. P. 107-127. (In Russ, In Eng).
 25. Lynsha, O. B. Istoriya obrazovaniya v Nikolske-Ussuriyskom. 1882-1922. [History of education in Nikolsk-Ussuriysk. 1882-1922]: [monograph]. Vladivostok: DVFU 2018. 292 p. (In Russ).
 26. Vaulin, G. G. Osvyashhenie Osinovskogo xrama [Consecration of the Osinovsky temple]. Vladivostok eparchial sheets. 1903. September 15. P. 411-413. (In Russ).
 27. Osvyashhenie Osinovskoj shkoly`-chital`ni [Consecration of the Osinovsky school-reading room] Vladivostokskiye eparkhialnyye vedomosti. 1906. October 15. P. 446-447. (In Russ).
 28. Pronov, M. Neskol'ko slov o polozhenii shkol i uchitelej v Yuzhno-Ussuriyskom krae [A few words about the situation of schools and teachers in the South Ussuri region]. Vladivostok. 1890. July 29. P. 4-6. (In Russ).
 29. Shkotovskaya volost` [Shkotovskiy district]. Vladivostok. 1899. July 25. P. 7-10. (In Russ).
 30. Petrovka [Petrovka] = Vladivostok. 1902. February 3. P. 6-7. (In Russ).
 31. Dyatel. Mixajlovka. [Mikhajlovka]. Vladivostok. 1902. August 4. P. 5-6. (In Russ).
 32. Abramovka [Abramovka]. Vladivostok. 1902. August 18. P. 6. (In Russ).
 33. Derevnya Abramovka [The Village Abramovka]. Vladivostokskiye eparkhialnyye vedomosti. 1908. March 15. P. 177-178. (In Russ).
 34. Cerkvi-shkoly` kraja [Churches-schools of the region]. Vladivostok. 1893. July 18. P. 3. (In Russ).
 35. Otchet eparxial'nogo nablyudatelya cerkovnoprixodskix shkol i shkol gramoty` v Blagoveshhenskoj eparxii za 1900-1901 uchebny`j god [Report of the diocesan observer of parish schools and Charter schools in the Annunciation diocese for the 1900-1901 academic year]. Blagoveshhenskie eparkhialnyye vedomosti. 1902. May 15. P. 181-182. (In Russ).
 36. Xorol` [Chorol]. Vladivostok. 1902. May 12. P. 6. (In Russ).
 37. Grigor`evka [Grigoryevka]. Vladivostok. 1902. August 18. P. 6. (In Russ).

Информация об авторе: Пчела Инна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры исторического образования Филиала Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске (Школы педагогики) (Уссурийск, ул. Некрасова, 35)

Уссурийск, Россия

SPIN-код 6910-8463

AuthorID: 417200

e-mail: Pchelka70@mail.ru

Поступила: 10.02.2020

После доработки: 21.02.2020

Принята к публикации: 27.02.2020

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Inna V. Phela, Candidate of Pedagogical Science, Assistant Professor, Department of Historical Education, Branch of the Far Eastern Federal University in Ussuriisk (School of Pedagogical)
(Ussuriisk, Nekrasova Street, 35)
Ussuriisk, Russia
SPIN-код 6910-8463
AuthorID: 417200
e-mail: Pchelka70@mail.ru

The paper was submitted: 10.02.2020

Received after reworking: 21.02.2020

Accepted for publication: 27.02.2020

The author have read and approved the final manuscript.